

891.8

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА

и. Чрчонъ 1910

под редакцией
Д. Г. Овсянникова
Хуликовского

Томъ 2
МОСКВА
изд. Т. С. Миръ
1910

891.8/0
21-8

исторія
русской
литературы
XIX в.

подъ редакціей
д. н. овсянико-куликовскаго,

при ближайшемъ участіи
а. е. грузинскаго и п. н. сакулина.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

(1791—1859).

В. О. Саводника.

Литературная дѣятельность Аксакова отличается рѣдкимъ среди русскихъ писателей долголѣтіемъ. Начавшись еще въ тѣ годы, когда животрепещущимъ вопросомъ, раздѣлявшимъ современныхъ литераторовъ на два враждебныхъ лагеря, былъ споръ „о старомъ и новомъ слогѣ“, она закончилась, когда Пушкинъ и Гоголь были уже въ могилѣ, и уже появились первыя произведенія Льва Толстого. Однако эта болѣе чѣмъ полуувѣковая дѣятельность не отличалась продуктивностью, и оставленное Аксаковымъ литературное наслѣдіе въ количественномъ отношеніи весьма не велико. Обстоятельство это зависѣло не столько отъ размѣровъ или объема дарованія Аксакова, сколько отъ неправильнаго его направленія, долгое время не позволявшаго его таланту развернуться во всю ширь и обнаружить присущую ему силу и глубину. Воспитавшись на образцахъ псевдо-классической литературы XVIII вѣка, въ юности увлекшись ветхозавѣтными теоріями Шишкова, въ зрѣлые годы вращаясь преимущественно въ кругу адептовъ стараго литературнаго направленія, Аксаковъ долгое время не былъ въ состояніи выйти на вѣрную дорогу, соотвѣтствовавшую характеру его дарованія. Поэтому всѣ раннія произведенія Аксакова, въ стихахъ и въ прозѣ, написанныя въ духѣ классической школы, такъ же какъ и переводы его (изъ Мольера, Буало, Лагарпа), не возвышаются надъ уровнемъ посредственности и не позволяютъ предполагать въ авторѣ сколько-нибудь замѣтнаго таланта. Только очень поздно, уже въ 40-хъ годахъ, удалось Аксакову освободиться отъ вліянія отжившихъ литературныхъ традицій и найти наконецъ свою настоящую „манеру“. Въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣлъ для него примѣръ Гоголя, произведенія котораго открыли Аксакову глаза на его собственное призваніе:

прежній классикъ и „шишковицтвъ“ становится трезвымъ художникомъ-реалистомъ и, какъ Антей, почерпаетъ новыя, доселѣ неизвѣданныя силы въ непосредственномъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью и въ правдивомъ ея изображеніи. Поэтому можно сказать, что знакомство съ Гоголемъ было едва ли не самымъ важнымъ событиемъ въ умственной жизни Аксакова: оно положило рѣзкую грань между двумя эпохами его существованія, навсегда оторвавъ его отъ его прежнихъ литературныхъ связей: старые его друзья, въ родѣ Загоскина, Кокошкина, Влад. Панаева, остались „по ту сторону Гоголя“ *), между тѣмъ какъ Аксаковъ, ясно сознавшій значеніе произведенаго Гоголемъ переворота, смѣло пошелъ впередъ, по тому пути, который былъ указанъ авторомъ „Мертвыхъ Душъ“.

Личная жизнь Аксакова не богата событиями. Она протекала тихо и мирно, какъ степные рѣчки его родного края, безъ всякихъ бурь, волнений и потрясеній, внѣшнихъ и внутреннихъ. Вообще судьба пѣствовала Аксакова, какъ добрая, заботливая нянка, въ дѣтствѣ окружая его безграницной, самоотверженной любовью матери, въ юности удаляя отъ него всяческіе соблазны и во всю жизнь сохраняя въ немъ, „среди царюющаго зла“, среди ужасовъ крѣпостного права, въ николаевскій „желѣзный вѣкъ“, ту младенческую ясность души, тотъ мирный, патріархально-добродушный складъ мыслей и чувствъ, который невольно подкупалъ въ его пользу всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, и отпечатокъ котораго лежитъ на всѣхъ его произведеніяхъ.

Біографія Аксакова можетъ быть изложена въ немногихъ словахъ: счастливо, свѣтлое дѣтство (род. въ Уфѣ 20 сентября 1791 г.), среди патріархальной обстановки почти незатронутаго культурой края; рано пробудившаяся страстная любовь къ природѣ, воспитавшой въ немъ глубокое эстетическое чутье и навыки художника-наблюдателя; годы ученія въ казанской гимназіи и только что учрежденномъ университѣтѣ, давшіе ему мало положительныхъ знаній, но развившіе въ немъ свойственную ему общительность и литературные интересы; первые опыты писательства въ студенческомъ рукописномъ журнальѣ „Аркадскіе пастушки“; двукратныя, но кратко-временные попытки службы, сперва въ Петербургѣ, гдѣ онъ сблизился съ Шишковымъ и его кружкомъ, затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ сперва цензоромъ, а потомъ инспекторомъ Межевого Института; наконецъ долгая и спокойная старость, мирная и широкая жизнь хлѣбосольного московскаго барина, среди многочисленной, но дружной семьи, въ близкомъ общеніи съ такими лицами, какъ Гоголь, Щепкинъ, Хомяковъ, Погодинъ и др. Здѣсь же, въ Москвѣ, развернулась, наконецъ, на склонѣ лѣтъ, и писательская дѣятельность Аксакова, создались его лучшія произведения, заслужившія ему славу первокласснаго художника. Въ 1847 году выходятъ въ свѣтъ

*.) Выраженіе Ив. Серг. Аксакова.

его „Записки объ ужениі рыбы“, за которыми, черезъ незначительные промежутки времени, слѣдуютъ его классические труды: „Записки ружейного охотника“ (1852), „Семейная Хроника“ (1856) и „Дѣтскіе годы Багрова-внука“ (1858). До глубокой старости Аксаковъ въ полной мѣрѣ сохранилъ свою духовную отзывчивость, живо интересуясь всѣмъ, что занимало и волновало тѣснившееся вокругъ сѣдовласаго патріарха молодое поколѣніе. Не остался онъ равнодушъ и къ пробужденію общественной мысли и совѣсти въ свѣтлую эпоху подготовки великихъ реформъ царствованія Александра II. Но ему не удалось дожить до радостнаго дня 19 февраля. Послѣдніе годы его жизни были омрачены тяжкими недугами: между прочимъ онъ почти вовсе лишился зрѣнія. Но эти испытанія нисколько не измѣнили ясности и бодрости его духа: еще незадолго до кончины, онъ началъ диктовать новое произведеніе, основанное также на семейныхъ воспоминаніяхъ (повѣсть „Наташа“), но смерть прервала его задуманную работу (30 апрѣля 1859 г.).

Лучшую характеристику личности Аксакова далъ его младшій сынъ, Иванъ Сергеевичъ, въ своей статьѣ „Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ“. „Сергѣй Тимоѳеевичъ, — пишетъ онъ, — любилъ жизнь, любилъ наслажденіе; онъ былъ художникъ въ душѣ и ко всякому наслажденію относился художественно. Страстный актеръ, страстный охотникъ, страстный игрокъ въ карты, онъ былъ артистомъ во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ,—и въ полѣ съ собакой и ружьемъ, и за карточнымъ столомъ. Онъ былъ подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка, забывалъ нерѣдко весь міръ въ припадкѣ своего увлечения; уже женатый онъ цѣлые дни проводилъ на охотѣ, цѣлые ночи за картами; но зная за собой эти слабости, онъ былъ смиренного о себѣ мнѣнія, былъ чуждъ гордости къ ближнему, напротивъ, отличался постоянною снисходительностью. Это-то качество и дало ему возможность развить въ себѣ ту теплую объективность, которая составляетъ такую прелестъ „Семейной хроники“, которая чуждается всякаго преувеличенія, рѣзкости, полна любви и благоволенія къ людямъ и отводить мѣсто каждому явленію, доброму и дурному, въ человѣческой жизни. Радушный и добрый отъ природы, онъ обладалъ умомъ чрезвычайно яснымъ и трезвымъ. Эта ясность омрачалась пылкостью и страстностью. Но когда годы и болѣзни умѣрили пыль и обуздали страсти, умъ его, освободясь изъ-подъ гнета, достигъ той степени спокойнаго, объективнаго отношенія къ жизни, которое такъ поражаетъ читателей въ его сочиненіяхъ. Умъ его переходилъ въ мудрость... Будучи вполнѣ русскимъ, онъ никогда не былъ „патріотомъ“, даже въ духѣ своего времени. Политикой онъ не занимался и никогда не предъявлялъ никакихъ притязаній на героизмъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ нужныхъ случаяхъ онъ проявилъ бы настоящую твердость. Итакъ, совершенное отсутствіе претензій, простота, радушіе, вмѣстѣ съ пылкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, трезвость и ясность ума при возможности страст-

ныхъ порывовъ, честность, безкорыстіе, беспечность относительно материальныхъ выгодъ, тонкое художественное чутье, вѣрность суда,— вотъ отличительные свойства Сергія Тимофеевича, которые привлекали къ нему всѣхъ, кто его зналъ. Не будучи не только ученымъ, но и не обладая достаточной образованностью, онъ тѣмъ не менѣе былъ какимъ-то нравственнымъ авторитетомъ для своихъ пріятелей, изъ которыхъ многие были знаменитые ученые. Если надо было кого разсудить въ ссорѣ, то обращались къ Сергею Тимофеевичу. Онъ вполнѣ понималъ жизнь и всѣ движенія человѣческой души, всѣ человѣческія слабости".

Къ этой блестящей характеристикѣ едва ли что можно еще прибавить, поскольку дѣло касается Аксакова, какъ человѣка, какъ личности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой характеристикѣ мы находимъ черты, которые позволяютъ намъ лучше уразумѣть существенные особенности его, какъ писателя. Иванъ Сергеевичъ усиленно подчеркиваетъ въ характерѣ своего отца его способность спокойнаго, беспристрастнаго, объективнаго отношенія къ людямъ и къ жизни. Эта же черта составляетъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ его художественного творчества. Аксаковъ, можетъ быть, объективнѣйший изъ всѣхъ русскихъ писателей; въ этомъ отношеніи его можно сопоставить развѣ съ однимъ Пушкинымъ. На этой способности объективнаго отношенія къ явленіямъ дѣйствительности зиждется и его художественный реализмъ. Аксаковъ беретъ жизнь, какъ она есть, во всей ея повседневной обычности, ничего не прибавляя отъ себя, въ силу своихъ симпатій и антипатій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ничего не урѣзываетъ изъ живой дѣйствительности, не производить надъ нею тѣхъ художественныхъ экспериментовъ, къ которымъ прибѣгалъ, напримѣръ, Гоголь, сознательно или безсознательно сужавшій свое поле зрѣнія, изображавшій однѣ лишь отрицательныя стороны дѣйствительности, воспроизводя лишь „бѣдность, пошлость и несовершенство“ нашей жизни. Благодаря такой односторонности реализмъ Гоголя, глубоко-правдивый и яркій, носить однако субъективную окраску: вдумчивый читатель скоро замѣтитъ позади комическихъ фигуръ „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“ грустное лицо самого Гоголя, — „великаго меланхолика“, по выраженію Пушкина, — замѣтитъ и тѣ „незримыя слезы“, которая онъ скрывалъ подъ маской „видимаго смѣха“. Въ этихъ незримыхъ слезахъ Гоголя сказался его великій порывъ къ нравственному идеалу, вмѣстѣ съ горькимъ сознаніемъ того, какъ мало соотвѣтствовала этому идеалу вся тогдашняя русская жизнь. Ничего подобнаго мы не найдемъ у Аксакова: въ его изображеніи нѣтъ ничего недосказаннаго, скрытаго, подразумѣваемаго; да и вообще, изображая то или другое лицо или явленіе, онъ ничего не хочетъ „показать“ или „доказать“, не руководится никакою отвлеченною цѣлью, не дѣлаетъ никакихъ выводовъ или обобщеній, а всегда остается лишь въ предѣлахъ чисто-художественной задачи—дать вѣрную и точную картину дѣйствительности.

Въ тѣсной связи съ глубокой объективностью творчества Аксакова стоитъ и эпическая широта пріемовъ его художественного изображенія. Отъ его проницательного взора не ускользаетъ никакая мелочь, никакая подробность быта или обстановки, никакая характерная черта въ человѣческой физіономіи или въ жизни природы. Для всего онъ находитъ мѣсто въ своемъ спокойномъ, неторопливомъ разсказѣ, на всемъ останавливается онъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Этой эпической широтѣ изображенія вполнѣ соотвѣтствуетъ и эпически спокойный тонъ повѣстнованія. Изображаетъ ли онъ добрый день дѣдушки Степана Михайловича или полную драматизма исторію Куролесова, разсказываетъ ли о подвигѣ материнскаго самоотверженія или описываетъ семейные нравы дикихъ утокъ,—повсюду выдержанъ одинаковый ровный и спокойный тонъ, повсюду мы находимъ одинаковую полноту и законченность изображенія.

Однако объективность Аксакова вовсе не свидѣтельствуетъ о его равнодушіи или холодномъ безучастіи. Напротивъ того, во всѣхъ его произведеніяхъ ясно чувствуется его глубокая симпатія къ предмету изображенія: его объективность — „теплая объективность“, по мѣткому выраженію его сына. Аксаковъ — не посторонній, не чужой тому миру, который онъ изображаетъ, но связанъ съ нимъ тѣсно и неразрывно. Онъ не равнодушный наблюдатель окружающей жизни, а плоть отъ плоти ея, и это сознаніе живой и органической связи автора съ изображаемой дѣйствительностью, нисколько не вредя объективной правдивости картины, вмѣстѣ съ тѣмъ нечувствительно воздѣйствуетъ на читателя, сближаетъ его съ изображенными Аксаковымъ людьми и явленіями, заставляетъ его въ свою очередь отнестись къ нимъ съ любовью и пониманіемъ.

Силъ художественного впечатлѣнія, производимаго сочиненіями Аксакова, не мало способствуетъ и самъ языкъ, которымъ они написаны. Чуждая всякой искусственности или вычурности, всякихъ прикрасъ, рѣчь Аксакова течетъ ровнымъ и спокойнымъ потокомъ, яснымъ и прозрачнымъ, какъ кристаллъ. Нигдѣ въ его рѣчи не чувствуется напряженности или надуманности, такъ же какъ нѣтъ въ ней и погони за образностью и яркостью. Вообще языкъ Аксакова отличается трезвой простотой, эпитеты его всегда точны и опредѣленны, къ метафорическимъ оборотамъ онъ прибѣгаеть очень рѣдко. И вмѣстѣ съ тѣмъ весь строй рѣчи Аксакова художественно прекрасенъ. По своему общему характеру языкъ Аксакова приближается къ прозаическому языку Пушкина, отличаясь отъ него главнымъ образомъ болѣе медленнымъ темпомъ рѣчи, въ зависимости отъ преобладанія описательного элемента надъ разсказомъ. Подобно пушкинской прозѣ, языкъ Аксакова носить отпечатокъ мужественности, благодаря своей трезвой простотѣ и преобладанію бодраго, мажорнаго тона; въ этомъ отношеніи его можно противопоставить языку Тургенева, отличающемуся женственной мягкостью, часто

исполненной задушевной грусти. Вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ Аксакова отличается замѣчательной чистотою и богатствомъ: иностранныя слова и книжные обороты почти вовсе не встрѣчаются въ немъ; зато онъ изобилуетъ образами и выраженіями, взятыми прямо изъ живой народной рѣчи и придающими произведеніямъ Аксакова яркій отпечатокъ народности. Что же касается до словеснаго богатства аксаковской рѣчи, то оно чрезвычайно велико; съ замѣчательнымъ искусствомъ Аксаковъ умѣлъ подыскивать точныя и опредѣленныя выраженія для обозначенія различныхъ оттѣнковъ понятія или для индивидуализаціи сходныхъ между собой явленій дѣйствительности,— напримѣръ, въ изображеніи жизни природы. Характернымъ образомъ такого словеснаго мастерства можетъ послужить, напримѣръ, изображеніе весеннаго пѣнія птицъ (въ „Запискахъ ружейнаго охотника“), гдѣ все разнообразіе въ оттѣнкахъ птичьихъ голосовъ и въ приемахъ ихъ пѣнія нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядъ удачно подобранныхъ глаголовъ: „На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно-разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищать рябчики, хрюпать на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по-своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаются дрозды, заунывно, меланхолически перекликаются иволги, стонутъ рябяя кукушки, постукиваютъ, долбя дерево, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещать сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное крылатое мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ“.

Общее міросозерцаніе Аксакова не поражаетъ ни глубиною, ни оригинальностью, но зато оно отличается своею цѣльностью. Элементъ традиціи, несомнѣнно, игралъ въ немъ весьма важную роль, но еще болѣе важное значеніе имѣлъ при выработкѣ его міросозерцанія долгій жизненный опытъ. Все оно построено преимущественно на многолѣтнихъ наблюденіяхъ надъ людьми и жизнью, на данныхъ практического опыта; въ немъ почти вовсе нѣтъ отвлеченныхъ, теоретическихъ, книжныхъ элементовъ, какъ нѣтъ книжныхъ оборотовъ въ живой и яркой рѣчи Аксакова. Вообще отвлеченное мышеніе, какъ и отвлеченные интересы были чужды ему: мысль его обыкновенно была занята конкретными предметами или вопросами, и потому весь складъ его мышленія носилъ рѣзко выраженный реалистический характеръ; оттого и переходъ къ реализму въ творчествѣ былъ для него такъ легокъ и естествененъ. По всему складу своей натуры и по общему строю міросозерцанія Сергѣй Тимофеевичъ близко напоминалъ „дѣдушку“ Крылова, такого же, какъ и онъ самъ, типично-русского человѣка, отличаясь однако отъ него подвижностью своего характера, склоннаго къ страстнымъ увлеченіямъ, и отсутствиемъ того добродушно-лукаваго юмора, который составляетъ такую силу великаго баснописца.

Все, сказанное выше объ общемъ характерѣ творчества Аксакова, приложимо и ко всѣмъ его произведеніямъ въ отдѣльности при чёмъ, конечно, имѣются въ виду лишь его произведения послѣдняго периода. Число ихъ, впрочемъ, очень невелико: изъ всего написанного Аксаковымъ только три вещи навсегда сохранять свое художественное значеніе: это — „Семейная Хроника“, „Дѣтскіе годы Багрова-внука“ и „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“. Каждая изъ этихъ трехъ книгъ имѣеть свой особый интересъ: „Семейная хроника“ представляетъ собой живую картину старой помѣщичьей жизни и даетъ цѣлый рядъ рѣзко очерченныхъ типовъ; „Дѣтскіе годы“ рисуютъ намъ душу ребенка, вводятъ насъ въ область дѣтской психологіи; „Записки ружейнаго охотника“ изображаютъ русскую природу во всей ея скромной и неяркой красотѣ.

Самое выдающееся изъ этихъ произведеній, безспорно, „Семейная Хроника“, название которой неизмѣнно ассоциируется съ именемъ Аксакова. Этюю книгою Аксаковъ создалъ особый, новый видъ литературныхъ произведеній, до него не существовавшій: это не романъ въ собственномъ смыслѣ слова, хотя въ немъ есть между прочимъ и романическій элементъ; но это также и не мемуары, хотя весь разсказъ основанъ на воспоминаніяхъ автора о лицахъ, окружавшихъ его въ дѣтствѣ. Быть, изображенный Аксаковымъ въ его произведеніяхъ, былъ хорошо знакомъ ему по личнымъ наблюденіямъ. Это — старый, патріархальный быть, сложившійся вѣками, весь проникнутый традиціями старины. Живымъ воплощеніемъ этихъ вѣковыхъ традицій является дѣдушка Степанъ Михайловичъ. Это фигура необыкновенно цѣльная, точно вся изваянная изъ одного куска твердаго самороднаго камня. Онъ изображенъ Аксаковымъ чрезвычайно ярко и жизненно, со всѣми своими положительными и отрицательными качествами. Крутой и самовластный, онъ издавна привыкъ къ беспрекословному подчиненію всѣхъ домашнихъ своей волѣ; семейный идеаль его восходитъ еще ко временамъ „Домостроя“. Лишенный всякаго образованія, чуждый какихъ-либо болѣе широкихъ интересовъ, стариkъ Багровъ надѣленъ яснымъ умомъ и здравымъ смысломъ. Сфера его понятій очень ограничена, такъ же какъ и сфера его нравственныхъ сочувствій; но у него есть здоровый нравственный инстинктъ, который руководитъ его поведеніемъ и который позволяетъ ему, несмотря на его внѣшнюю супровость, пріобрѣсти вполнѣ заслуженную репутацію доброго и справедливаго человѣка.

Старикъ Багровъ изображенъ Аксаковымъ съ полнымъ сочувствиемъ; однако, это сочувствіе ничуть не заставило автора погрѣшить противъ истины, такъ какъ онъ нисколько не идеализируетъ своего героя, не пытается скрыть его недостатковъ или извинить ихъ. Главный изъ этихъ недостатковъ — это семейный деспотизмъ Багрова, воспитанный въ немъ всѣмъ строемъ тогдашнихъ понятій и отношений. Выросши и развившись въ атмосферѣ патріархальныхъ традицій, Степанъ Михайловичъ не былъ въ состояніи возвыситься

до признанія правъ и значенія человѣческой личности, какъ таковой. Искренно любя свою жену, сына и всѣхъ домашнихъ, онъ не допускалъ даже мысли, чтобы они могли располагать собою по своему усмотрѣнію, виѣ его контроля. Но, подавляя всѣхъ окружающихъ силою своего авторитета, Багровъ однако не имѣеть на нихъ нравственного вліянія. Чувствуется, что тотъ патріархальный бытъ, представителемъ котораго онъ является, доживаетъ уже свои послѣдніе дни, что онъ уже находится въ состояніи разложенія. И дѣйствительно, рядомъ съ патріархальной фигурой дѣдушки Степана Михайловича мы видимъ въ „Семейной хроникѣ“ другую фигуру, принадлежащую уже новому времени, новой культурѣ. Это—невѣстка старика Багрова, Софья Николаевна, мать автора. Въ ея лицѣ въ патріархальную, старозавѣтную семью Багровыхъ впервые входитъ личность, съ рѣзко выраженнымъ индивидуальнымъ складомъ чувствъ, понятій и стремленій. И въ концѣ-концовъ старику Багрову самому приходится признать, хотя, быть можетъ, не безъ тайной грусти, значеніе этой новой силы, новаго, личнаго начала, вносящаго элементъ разложенія въ нивелирующія традиціи домостроевской семьи.

Софья Николаевна, другое главное лицо „Семейной Хроники“, на самомъ дѣлѣ представляетъ собой личность сильную и незаурядную, рядомъ съ которой совершенно блѣдиѣтъ ея обезличенный родительскимъ авторитетомъ супругъ. Ея изображенію, анализу ея сложной душевной организаціи, авторъ посвятилъ не мало прекрасныхъ страницъ. Портретъ ея написанъ съ глубокой любовью; но тѣмъ замѣчательнѣе художественная добросовѣтность автора, не позволившаго ему, ради сыновняго піэтета, отступить отъ строгой истины, въ сторону идеализаціи изображаемаго лица. Поэтому на ряду съ положительными чертами авторъ отмѣчаетъ въ личности матери цѣлый рядъ чертъ, мало симпатичныхъ: властолюбіе, самоувѣренность, презрѣніе къ низшимъ, нѣкоторую душевную сухость и тому под.; благодаря этому, нарисованный Аксаковымъ портретъ, теряя нѣкоторую часть своего нравственного обаянія, вмѣстѣ съ тѣмъ много выигрываетъ въ отношеніи жизненности и реализма. Софья Николаевна играетъ также выдающуюся роль и въ другомъ произведеніи нашего автора, въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука“, въ которомъ Аксаковъ изобразилъ свое собственное дѣтство. По своему художественному и психологическому значенію это произведеніе можетъ быть сравнено лишь съ автобіографической трилогіей Толстого. Анализъ душевной жизни ребенка, ея постепенное развитіе и осложненіе, проведенъ съ величайшимъ мастерствомъ, при чёмъ авторъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на выясненіи тѣхъ факторовъ, которые играли наиболѣе важную роль въ исторіи его нравственного бытія, и среди этихъ факторовъ, на ряду съ вліяніемъ матери, особенно подчеркиваетъ воздействиѳ окружающей природы, любовь къ которой пробудилась въ немъ необыкновенно рано.

Изображенію жизни родной природы посвящено нѣсколько произведеній Аксакова, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательное— „Записки ружейного охотника Оренбургской губерніи“. Здѣсь въ полной мѣрѣ сказалось его тонкое чувство природы и замѣчательный даръ художественной наблюдательности. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ русскихъ писателей его можно сравнить съ однимъ Тургеневымъ. Но отношеніе Тургенева къ природѣ носитъ совершенно другой характеръ; несмотря на всю его любовь и сочувствіе къ природѣ, у него ясно чувствуется сознаніе непоправимаго разрыва съ нею, и это сознаніе придаетъ его чувству какой-то элегической отпечатокъ. Ничего подобнаго нѣтъ у Аксакова: нигдѣ мы не найдемъ у него противопоставленіе природы и человѣка; напротивъ того, повсюду чувствуется живая и непосредственная связь между вѣшнимъ міромъ и душою автора,—связь, зародившаяся еще въ дѣтствѣ, когда первые впечатлительный ребенокъ ощутилъ на себѣ живое „дыханіе природы“. Поэтому Аксаковъ относится къ природѣ, какъ къ чему-то близкому и родному, а природа, въ свою очередь, открываетъ передъ его внимательнымъ и любящимъ взоромъ многія тайны и красоты, которыхъ не замѣтить равнодушный зритель. Съ замѣчательнымъ искусствомъ сумѣлъ Аксаковъ индивидуализировать отдѣльные явленія природы, напримѣръ, въ своихъ мастерскихъ характеристикахъ различныхъ птичьихъ породъ, по поводу которыхъ Гоголь говорилъ Аксакову: „въ вашихъ птицахъ болѣе жизни, чѣмъ въ моихъ людяхъ“. Въ изображеніи нравовъ различныхъ птицъ и животныхъ нашла себѣ выраженіе тонкая и терпѣливая наблюдательность Аксакова; таковы, напр., семейныя сцены изъ жизни дикихъ утокъ, любовныя похожденія перепеловъ, игры журавлей и ихъ осенній отлетъ, пріятельскія сборища сурковъ и т. д. Но обиліе деталей нисколько не мѣшало ему такъ же мѣтко схватывать и общее впечатлѣніе, производимое той или другою картиной природы,—напримѣръ, въ его мастерскихъ изображеніяхъ лѣса, степи, поля и болота, которыми начинаются отдѣльныя части его „Записокъ ружейного охотника“. Характерно при этомъ для всего душевнаго строя Аксакова, что его мало привлекаютъ грозныя и величественныя явленія природы и что въ его изображеніи природа отражается преимущественно со стороны своей гармоніи и величаваго спокойствія: диссонансы въ жизни природы и дикая борьба ея стихійныхъ силъ, очевидно, не находили себѣ отклика въ спокойной и уравновѣшенней душѣ Аксакова.

Таковы главныя характерныя черты Аксакова, какъ писателя. Въ исторіи русской литературы онъ, несомнѣнно, представляеть крупную фигуру, принадлежа по трезвой простотѣ и правдѣ своего творчества, по силѣ и яркости своихъ художественныхъ созданій къ семье нашихъ великихъ писателей-реалистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все творчество Аксакова, безусловно, носитъ яркій отпечатокъ народности: о его произведеніяхъ можно по справедливости сказать: „тамъ

русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ". И несмотря на все это, Аксаковъ стоитъ какъ-то особнякомъ въ нашей литературѣ, какъ-то въ сторонѣ отъ ея главнаго теченія. Одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей русской литературы, въ ея цѣломъ, является ея рѣзко отрицательное отношеніе къ современной дѣйствительности, ея неумолкающій протестъ противъ жизненнаго зла, во имя идеала, во имя вѣчныхъ требованій совѣсти, протестъ, составляющій какъ бы лейтъ-мотивъ всей русской литературы, отъ сатиръ Кантемира и журналовъ Новикова, вплоть до безнадежно-грустныхъ, „сумеречныхъ“ рассказовъ Чехова. Болѣе чѣмъ къ кому-либо, приложимы именно къ нашимъ писателямъ слова Гейне о трещинѣ, расколовшей весь міръ и прошедшей по душѣ поэта... Но какъ разъ этого сознанія внутренней неудовлетворенности, этого скорбнаго или негодующаго протesta нѣтъ вовсе въ творчествѣ Аксакова. Онъ смотрѣлъ на жизнь не какъ моралистъ-мыслитель, какими въ большей или меньшей мѣрѣ были почти всѣ наши писатели, а исключительно какъ художникъ-созерцатель; въ произведеніяхъ Аксакова мы не находимъ никакого сознанія разлада между жизнью и идеаломъ, между жизнью и поэзіей, потому что Аксаковъ умѣлъ повсюду, въ самой обыденной дѣйствительности находить безконечно разнообразные элементы поэтической красоты. Въ этой рѣдкой въ русской литературѣ цѣльности творчества, въ гармоническомъ согласіи между душою художника и изображаемой имъ дѣйствительностью и заключается неувядаемая прелесть аксаковскихъ произведеній. Душевной свѣжестью и бодростью вѣеть отъ его страницъ. Если задача искусства заключается въ томъ, чтобы „заражать“ читателя извѣстнымъ настроениемъ, то Аксаковымъ эта задача вполнѣ достигнута, и притомъ достигнута безъ всякаго сознательного усиленія съ его стороны. Атмосфера благоволенія къ жизни и къ людямъ, разлитая во всѣхъ произведеніяхъ Аксакова, невольно воздѣйствуетъ и на читателя, и онъ закрываетъ книгу съ чувствомъ душевнаго благостоянія, какъ послѣ долгой задушевной бесѣды съ хорошимъ, спокойнымъ и уравновѣшаннымъ человѣкомъ.

